

ПЕРВАЯ КНИГА

Серия «Дореволюционные периодические издания»

Русский архив

Историко-литературный сборник

В 155 томах

Том 77

1892

№ 1-4

Репринтное издание 1892 года

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург
Альфарет
2010 ✓

Ба-346157
157

Такъ въ Екатеринославской губ. жилъ-былъ уѣздный предводитель дворянства Глѣбъ Васильевичъ Нечаевъ, помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими сотнями душъ и большимъ количествомъ земли. Онъ не признавалъ ни за кѣмъ права освобождать его крестьянъ и надѣлять ихъ его землей. Я унаслѣдовалъ отъ моего отца мои имѣнія, и никто не имѣетъ права у меня ихъ отнять, говорилъ онъ прямо, не стѣняясь. На всѣ просьбы мирового посредника пойти на какое бы ни было соглашеніе онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Исправляя должность губернскаго предводителя дворянства, онъ предсѣдательствовалъ въ губернскомъ комитетѣ объ освобожденіи и во все время засѣданій никогда не извѣлялъ явной оппозиціи. Когда же приступлено было къ введенію уставныхъ грамотъ въ его имѣніи, то не далъ согласія ни на какія сдѣлки съ крестьянами. Въ слѣдствіе такого упорства мировой посредникъ ему объявилъ, что онъ введетъ обязательную уставную грамоту, по которой крестьяне, за опредѣленное количество земли, стануть отбывать работу въ пользу помѣщика.

Въ день пріѣзда мирового посредника весь народъ въ имѣніи Нечаева былъ собранъ на барскій дворъ. Мировой посредникъ прочелъ составленную имъ уставную грамоту. Глѣбъ Васильевичъ послѣ этого взялъ грамоту и къ ужасу мирового посредника разорвалъ ее въ клочки. Позвалъ онъ сына своего лейбъ-гусара, бывшаго въ отпуску, и сказалъ мужикамъ: Ребята, я не признаю права кому бы то ни было распорядиться моею собственностію. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что только я да сынъ мой имѣемъ это право. Дарю вамъ на вѣчныя времена безвозмездно опредѣленный вамъ надѣлъ.

Изумленная громада упала къ ногамъ бывшаго своего господина.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ «РУССКАГО АРХИВА».

I.

Николая Владимировича Ханькова *).

1-го Сентября 1878 г.

16 rue de l'Hôpital, Rambouillet (Seine et Oise).

Во все продолженіе Хивинской экспедиціи никакого бунта въ войскахъ не было. Тѣмъ не менѣе одинъ пѣхотинецъ, 22-й дивизіи, дивизионнымъ генераломъ коей былъ генераль-лейтенантъ Толмачевъ (умершій сенаторомъ въ Москвѣ), былъ дѣйствительно разстрѣлянъ и по

*) Славнаго географа, который участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ 1839 года. Печатавъ письма В. А. Перовскаго, я обращаюсь къ Н. В. Ханькову за нѣкоторыми разъясненіями. П. Б.

торопливости Толмачева чуть-чуть не зарыть живой. Солдатъ этотъ былъ изъ Зырянъ и человекъ истинно убогій духомъ. Въ одну изъ многихъ нашихъ холодныхъ ночей, онъ былъ назначенъ часовымъ въ цѣпи, выставляемой каждую ночь довольно далеко за лагерьмъ. Оттого ли что онъ сильно прозябъ, оттого ли что ему что-либо погрезилось, но онъ струсилъ, бросилъ ружье и бѣжалъ въ степь. Само собою разумѣется, убѣжать было некуда далеко, и къ утру самъ ли онъ вернулса, найденъ ли былъ казачьимъ разъѣздомъ, не знаю, но онъ былъ приведенъ подъ карауломъ въ отрядъ и отданъ былъ при полевомъ аудиторіатѣ подъ судъ: за побѣгъ съ часовъ *передъ неприятелемъ* (!) А это было еще до прихода нашего въ Эмбинское укрѣпленіе. Судъ, руководствуясь военно-полевымъ положеніемъ, присудилъ его къ смертной казни. В. А. Перовскій хотѣлъ его помиловать; но разные зловѣщіе совѣтники и въ томъ числѣ и дивизионный командиръ, стали его убѣждать въ необходимости строгаго примѣра, чтобы *подтянуть* дисциплину. Перовскій имѣлъ слабость на это согласиться и, что еще хуже того, не присутствовалъ лично при приведеніи этой резолюціи въ исполненіе.

Съ вечера въ лагерь было извѣстно, что на другой день, кажетса въ 9 или 10 часовъ, пользуясь дневкой отряда, несчастный Зырянинъ будетъ разстрѣлянъ. Дѣйствительно, въ ясное морозное утро слѣдующаго дня всѣ войска отряда были поставлены покоемъ; въ оставшемся свободномъ пространствѣ этого караула поставленъ былъ аналой, за коимъ стоялъ священникъ въ полномъ погребальномъ облаченіи, а въ центрѣ караула врытъ былъ въ снѣгъ столбъ, къ коему виновный долженъ быть привязанъ. Несчастнаго солдатика привели подъ карауломъ и послѣ короткой молитвы и цѣлованія Евангелія на него надѣли саванъ. Полевой походный аудиторъ съ краснымъ носомъ испитымъ голосомъ прочелъ длинную резолюцію; изъ которой обвиняемый, совершенно одурѣвшій, ничего очевидно не понялъ, такъ какъ и въ спокойномъ положеніи онъ порусски зналъ очень плохо. Послѣ этого барабанъ забилъ похоронный маршъ, и несчастнаго страдальца повели подъ руки къ столбу, у котораго была вырыта небольшая въ аршинъ или аршинъ съ $\frac{1}{4}$ глубины могила. Привязавъ его къ столбу, вызвали 12 человекъ стрѣлковъ, которыхъ разставлялъ самъ Толмачевъ и неизвѣстно почему очень далеко отъ столба. Раздалась команда *ми*, и багряныя пятна показались на саванѣ близъ ногъ, рукъ и нѣсколько на груди. Страдалецъ подался тѣломъ впередъ и, удержанный въ полпетли веревкой, зашатался вправо и влево. Я былъ убѣжденъ, что онъ живъ; но Толмачевъ приказалъ его зарывать. Подошедши къ могилѣ, я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, лежавшій сначала съ

смянутыми колѣнами, развелъ ихъ. Я доложилъ объ этомъ Аванасью Емельяновичу Толмачеву и насилу насилу убѣдилъ его послать доктора Мобица освидѣтельствовать положеніе разстрѣляннаго. Мобицъ соскочилъ въ могилу и тотчасъ же вышелъ оттуда съ извѣстіемъ, что разстрѣлянный раненъ, но даже неопасно и вполне живъ. Не смотря на всѣ наши просьбы приказать пристрѣлить его въ упоръ дула въ могилѣ, Толмачевъ велѣлъ его вытащить за окровавленные руки, снова привязать къ столбу и снова вызвать стрѣлковъ. На этотъ разъ они поставлены были близко отъ цѣли. Несчастный привязанный не могъ стоять на ногахъ и съ веревкой спустился по гладкому столбу на снѣгъ. Раздались выстрѣлы, и первая рана вызвала съ его стороны сильное движеніе рукою. Былъ ли онъ или нѣтъ убитъ въ этотъ залпъ, не знаю; но для большей предосторожности его пристрѣлили въ упоръ дула.

Эффектъ этой мученической казни на солдатъ былъ самый тяжелый. Проходя мимо его незарытой могилы, всѣ громко желали ему царствія небеснаго и усердно крестились. Перовскій, конечно, ничего не узналъ объ этихъ потрясающихъ подробностяхъ; но будь онъ тутъ самъ, ничего подобнаго быть не могло.

Иной подумаетъ, что А. Е. Толмачевъ былъ злодѣй, а въ дѣйствительности онъ былъ добрякъ, но *фрунтовицк*, ставившій артикулъ выше психологіи.

Н. В. Ханьковъ.

II.

Григорія Дмитріевича Щербачева.

Въ Воспоминаніяхъ моихъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 года, я описалъ систему воспитанія, которой я держался, бывъ директоромъ Орловской Военной Гимназіи. Я указалъ, между прочимъ, что, считаю удаленіе воспитанника изъ учебнаго заведенія самой нежелательной мѣрою и что мнѣ удалось спасти отъ исключенія одного мальчика, который называлъ своего воспитателя чѣртомъ. Мальчикъ этотъ былъ Мецгеръ. Судьба Мецгера, въ то время когда я писалъ Воспоминанія, мнѣ была неизвѣстна; но въ недавнемъ времени я получилъ письмо отъ товарища его Щербачева, который описалъ геройскій подвигъ, положившій конецъ жизни этого доблестнаго офицера. Считаю долгомъ рассказать то, что мнѣ пишетъ г. Щербачевъ.

По окончаніи курса въ Орловской Военной Гимназіи, Мецгеръ поступилъ въ 1-е Военное Павловское Училище, изъ котораго въ 1874 году былъ выпущенъ прапорщикомъ въ одинъ изъ полковъ Кавказской арміи. Полкъ его былъ подъ Карсомъ, въ прошлую Турецкую кампанію, и затѣмъ находился въ арьергардѣ нашей отступавшей арміи подъ начальствомъ Тер-